

Эффект



МОТЫЛЬКА

Когда меня не стало  
Крылья страха  
Выхожу тебя искать  
Волчья ягода  
Мне давно хотелось убить  
Саван для блудниц  
Черное платье на десерт  
Девушка по вызову  
Рукопись, написанная кровью  
Парик для дамы пик  
Пикник на красной траве  
Шоколадный паж  
Роспись по телу  
Этюд в розовых тонах  
Последняя защита адвоката, или Плюшевый свидетель  
Услуги особого рода  
Яд Фаберже  
Комната смеха  
Мальтийский апельсин  
Виртуальный муж  
Японская молитва  
Цветы абсолютного зла  
Страна кривого зазеркалья  
Платиновая леда  
Танцующая на волнах  
Свергнутая с небес  
Гламурная невинность  
Древний инстинкт  
Женщина-ветер  
Нирвана с привкусом яда  
Правда о первой ночи  
Дама из Амстердама  
Игры с темным прошлым  
Властелин на час  
Белоснежный лайнер в другую жизнь  
Бронзовое облако  
Самый близкий демон  
Первая жена Иуды  
Delete  
Хроники Розмари  
Солнце в ночном небе  
Ледяное ложе для брачной ночи  
Подарок от злого сердца  
День без любви  
Печальная принцесса  
Призрак Монро  
Персиковый мед Матильды  
Издержки богомной жизни  
Вспомни обо мне

Красное на голубом  
Сердце химеры  
Госпожа Кофе  
Дождь тигровых орхидей  
Миф Коко Банча  
Одинокие ночи вдвоем  
Алый шар луны  
Черника на снегу  
Девять жизней Греты  
Смерть отключает телефон  
Шестой грех  
Меня зовут Джейн  
Звезды-свидетели  
Витамин любви  
Две линии судьбы  
Когда остановится сердце  
Призраки знают все  
Аромат желания  
За спиной – двери в ад  
Тайная любовь Копперфильда  
Любовница не по карману  
Красивая, богатая, мертвая...  
Пожиратели таланта  
Черный пасодобль  
Серебряная пуля в сердце  
Незнакомка до востребования  
Ангел в яблоневом саду  
Из жизни жен и любовниц  
Тринадцатая гостья  
Прекрасный возраст, чтобы умереть  
Приговоренный к жизни  
Признания грешницы  
Дом на берегу ночи  
Ведьма с зелеными глазами  
Пленница чужих иллюзий  
Девушка, не умеющая ненавидеть  
Цветок предательства  
Мишень для темного ангела  
Грех и немножко нежно  
Если можешь – прости  
Убийство в соль минор  
Уставшая от любви  
Плата за роль Джульетты  
Одно преступное одиночество  
Слезинка в янтаре  
Проклятие Клеопатры  
Сколько живут донжуаны  
Любовь насмерть  
Миллион для Коломбины  
Неаполитанская кошка  
Стану рыжей и мертвой, как ты  
Два лица Пьеро  
Париж на час  
Умри, богема!  
Черная перепелка  
Прости меня, твою убийцу  
Звериный профиль  
Тайна церковной мыши  
Тени в холодных ивах

# АННА ДАНИЛОВА



ЕСЛИ МОЖЕШЬ – ПРОСТИ



МОСКВА  
2022

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Д18

Дизайн обложки *К. Гусарева*

Редактор серии *А. Самофалова*

**Данилова, Анна Васильевна.**  
Д18 Если можешь — прости : [роман] / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-161849-0

Одно дело — мечтать отомстить обидчику, совсем другое — решиться на реальное убийство. Что происходит с человеком в ту минуту, когда он выносит приговор ближнему? Какой механизм мы запускаем в собственной душе, назначая себя палачом? Виолетта слишком молода, чтобы довериться чужой мудрости, поэтому на все вопросы она будет искать ответ самостоятельно. Чтобы вывести точную формулу оскорбленного сердца, она окружит себя людьми страдающими, алчными, завистливыми и самоотверженными — каждый из них в ее маленьком вымышленном театре готов стать и жертвой, и преступником...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161849-0

© Текст, Дубчак А.В., 2022  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2022

## 1. Виолетта

Осеннее, еще теплое солнце заглянуло во внутренний двор моего дома на Цветном бульваре и поселилось в моем сердце.

Всего полчаса прошло с той минуты, как легкий ветерок взъерошил густые темные волосы парня, забежавшего в это богом забытое место, в этот темный двор, забитый мусорными баками и поваленными деревьями с мертвой золотой листвой. Полчаса как он не знает, что стало с его спортивной сумкой, которую он бросил как раз за эти самые баки. Не знает он и того, что все это я совершенно случайно увидела, наблюдая из окна своей комнаты за проплывающими по небу облаками.

Второй этаж — не так высоко. Во всяком случае, я сумела разглядеть его белоснежную рубашку с распахнутым воротником и черную кожаную куртку. А еще лицо. Лицо не отражало ни одну из известных мне эмоций. Разве что полное равнодушие. Длинные ноги в узких синих джинсах унесли парня вон со двора, и снова стало тихо.

Не помню, как я оказалась возле мусорных баков. Сердце колотилось, а руки выуживали из вонючей темной дыры большую спортивную сумку и холодный влажный пистолет.

И вот я снова в своей комнате. Думаю, мое сердце все-таки выпрыгнуло из груди через горло и осталось где-то там, на золотых осенних листьях, которые мягким ковром устлали двор.

Может, кто-то, наблюдающий, как и я, за облаками из окна своей квартиры, увидит его, подберет и оставит себе. Так, на всякий случай, может, пригодится...

Но меня это уже не волновало. На столе моей комнаты лежал пистолет, а на полу — раскрытая сумка с кучей денег. Волшебные дары судьбы, посланные за все те страдания, что мне пришлось пережить за последний год: смерть матери под колесами джипа, тяжелый разговор с ее последним мужем, на которого она оформила нашу квартиру. Ту самую квартиру, в которой я сейчас стою, глядя на аккуратненькие пачки евро.

«Живи, детка, я скоро вернусь, мы продадим квартиру и поделим денежки», — сказал Жорик, скаля свои новенькие зубы, оплаченные в дорогой клинике моей матерью. Редкостной дурой, всю жизнь положившей на то, чтобы содержать мужиков.

Моя мать — породистая талантливая мошенница, которой природа по ошибке вложила в череп настоящий компьютер, способный делать деньги из воздуха. Тысячи афер, сделок, делишек заставляли денежные ветра дуть прямо матери

в карман. Другое дело, что она не умела этими деньгами распоряжаться. Как легко они к ней приходили, так и уходили, улетали, перемещались в сейфы подпольных казино, где играли ее любовники, в кошельки молоденьких любовниц маминых любовников.

«Масло с колбасой в холодильнике, сахар и хлеб купишь по дороге. А я пошла, у меня дела». «Прибери, закинь в стиральную машинку джинсы Жорика и не забудь о носках. Суп в холодильнике, а я поехала, у меня встреча...»

Был бы жив отец, она, возможно, прожила бы свою жизнь иначе. Но отца пристрелили при задержании, как опасного преступника, убийцу.

Мне было семь лет, когда это случилось. Мать целый год ходила в черном, полюбила коньяк с яблоками и крепкий многочасовой сон. На мои вопросы, за что папа убивал людей, она только отмахивалась, бормоча сонно: «Не все люди хорошие, Веточка. Иных и пристрелить не жалко».

Это потом я узнала, что мой отец, которому менты дали прозвище Мясник, был жестоким человеком, наемным убийцей, одним из самых дорогих профессиональных киллеров Москвы. Вот только как он распорядился своими деньгами, мы с мамой так никогда и не узнали. Хотя мать могла от меня это скрыть.

Вета, Веточка — так звали меня родители и бабушка. Бабушка так зовет до сих пор. Она живет в Подмосковье, на нашей даче, обосновалась там окончательно, заперла себя в уютном доме в хвой-

ном лесу и счастлива. По паспорту я Виолетта Николаевна Мясникова. Виолеттой меня назвала, понятное дело, мать, большая любительница оперы. Единственной оперы, «Травиаты», мелодии из которой она то и дело насвистывала, готовя кофе по утрам или намыливаясь под душем. Отсюда и Виолетта. Понимала ли она, что не столько награждает меня редким именем, сколько кодирует меня, закладывает в судьбу ноты грустной жизненной партии французской куртизанки? Конечно, нет.

Но все равно я не в обиде на мать. Она, конечно, дура, оставила меня без собственного жилья, но так-то она всегда присматривала за мной, покупала мне красивую одежду, следила, чтобы я чистила зубы, мыла уши и ноги, оплачивала все мои увлечения (танцы, живопись, игру на гитаре и еще кое-что по мелочи), кормила меня и доверяла бесконечно, предоставляя максимум свободы.

По-хорошему, ее бы за все ее делишки посадить лет этак на пятнадцать, тогда всем было бы хорошо, особенно нам с бабушкой. Но ей фатально везло. Ее везение промахнулось всего один раз, когда ее сбил джип. До сих пор, кстати говоря, так и не нашли этого веселого водилу.

Вернувшись с чужими деньгами и оружием домой, я задернула шторы и дальше наблюдала за двором в бархатную щель. Это удивительно, что я так быстро справилась и успела нырнуть за мусорные баки буквально за несколько минут до того, как во дворе появилась полицейская машина.

Резко затормозив, она встала как раз напротив моего подъезда. Из нее вышли трое, стали обыскивать двор, потом вернулись в машину и уехали.

Двор опустел, а передо мной все еще стоял этот парень. Высокий, черноволосый, с каменным лицом-маской. Это какую же нужно было прожить жизнь, как разочароваться в ней, чтобы смешную мальчишескую мордашку, доставшуюся ему при рождении, так перекосило, вытянуло и превратило в лицо убийцы. Да, вспомнила, у кого еще видела такое же непроницаемое лицо, такие холодные глаза. У моего отца. Правда, он был блондином с зелеными глазами. Мои зеленые глаза достались мне по наследству. Думаю, что и моя кровь, густая смесь мощных ДНК моих преступников-родителей, тоже несет вполне определенную информацию. С этим сознанием и живу.

Я понимала, что любителей постоять-покурить у окна в нашем доме предостаточно — полно пенсионеров, которым просто некуда девать время, и они целыми днями гоняют чай на кухне. Да мало ли кто мог задержаться у окна в тот момент, когда обладатель холодных глаз избавлялся от тяжелой денежной ноши. А это означает, что могли заметить и меня, эту самую ношу прибравшую!

Через несколько минут, когда стало очевидно, что я похитила чужие деньги и оружие, мне уже ничего другого не оставалось, как выбраться с этой сумкой через чердачную лестницу на крышу, добежать до единственного распахнутого в этот день люка третьего подъезда, спуститься вниз, выбо-

жать со двора и броситься бежать по Цветному бульвару вдогонку самой осени...

Пахнувшая типографской краской газета объявлений не могла решить мой острый квартирный вопрос. Я отлично знала, как надувают жаждущих снять квартиру московские квартирные мошенники. Великое множество однодневных офисов псевдориелторских контор продают доверчивым людям списки с липовыми адресами совсем даже не пустых квартир.

А ведь мне надо было где-то скрыться.

Понятное дело, что я не в лесу жила, у меня были подружки, знакомые, но мне бы очень не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, где я скрываюсь. Ведь круг моих знакомых легко просчитать. По этой же причине я не могла отправиться к бабушке в Ключниково, хотя этого мне хотелось больше всего. Вот ей-то я как раз могла бы все рассказать без утайки. Еще и не такие истории она проглатывала на своем веку. Моя бабушка — черный ящик, который невозможно отпереть.

А еще она добрая, умная и печет отменные пирожки с яблоками. Еще вяжет пуховые шали, носки и варежки.

Я позвонила ей, сказала, что мне нужна квартира. Она выслушала меня и, не задавая вопросов, сразу же назвала адрес.

— Веточка, ключ найдешь под ковриком. Удачи тебе, детка.

Волшебница. Вот все люди были бы такими — понятливыми, не любопытными, способными любить, как она. Ольга Михайловна Берглунд,

фамилия по второму мужу, потомку переселенцев из Швеции. Уж не знаю почему, но моим родителям в их нечистых делах она помогала всегда.

Крапивенский переулочек, куда отправила меня моя Ольга Михайловна, находился в уютном уголке между Петровским бульваром и самой Петровкой. Вот как раз рядом с Высокопетровским монастырем, в старом, забытом всеми, в том числе далеко не бедным подворьем по соседству, дворе. В древнем, чудом сохранившемся доме грязного красного кирпича на третьем этаже и находилась тихая квартира — мое убежище на неопределенное время.

Высокие потолки, желтые в жирных пятнах обои, почерневший паркет, вытертые диваны и кресла, огромная кухня со старым буфетом, наполненным фрагментами старинных сервизов, глубокая ванна с уже оранжевой от времени эмалью. Самое то для преступниц вроде меня. Оказавшись там и провернув с громким шелканьем ключ, я заперлась, смутно представляя себе свое дальнейшее существование.

Зато я была в полной безопасности.

Устроившись на пахнущем старьем красном одеяле, я высыпала из сумки пачки денег и принялась пересчитывать. Подсчет занял несколько минут — все пачки были в банковских упаковках, каждая пятисотенными купюрами по пятьдесят тысяч евро каждая. Пачек было сто двадцать, значит, за несколько минут безумного марш-броска

к помойным бакам и обратно я присвоила себе, страшно сказать, шесть миллионов евро!

Сиреневые пачки согревали мне душу и перехватывали дыхание. Очень странное это было чувство. Я шелестела купюрами, трогала их, обнюхивала, пытаюсь понять, настоящие ли они, но все равно ничего не понимала. Но выглядели они солидно, ах как солидно. Как настоящие. Но проверить их мне будет трудно, очень трудно. Возможно, номера банкнот (они наверняка украденные) записаны. Да и сама купюра в пятьсот евро в руках девчонки, какой я себя видела со стороны, могла бы вызвать подозрение.

Ладно, подумала я тогда, как-нибудь разберусь. Уж найду способ разменять их или превратить во что-нибудь безопасное.

Теперь пистолет. Вроде бы тоже настоящий. Очень тяжелый и невероятно холодный. Возможно, он даже был заряжен.

Достав из рюкзака, с которым я никогда не расставалась (оранжевый с зелеными вязаными вставками, еще и украшенный целой коллекцией миниатюрных плюшевых мишек и щенков с котятами), планшет, я первым делом заинтересовалась криминальными сводками.

Неподалеку от Трубной площади, на Цветном бульваре среди бела дня неизвестный человек разбил стекло новенькой желтой «Ламборджини Gallard», припаркованной неподалеку от офиса какой-то финансовой компании, и похитил спортивную сумку с несколькими миллионами евро.

Владелец «Ламборджини» депутат Ч. утверждает, что эти деньги предназначались для его избирательной кампании. К вечеру появилась новая информация: деньги были похищены из скромной «Лады», припаркованной неподалеку от кондитерской в районе цирка на Цветном бульваре, а принадлежали они одной из московских преступных группировок. Читая эти странные и смешные сводки, я даже представляла себе мокрого от пота и страха молоденького журналиста, щелкающего пальцами по клавиатуре под прицелом направленного на него пистолета... Вернее, разных пистолетов, направляемых на него по очереди причастными к этой истории опасными людьми. Отсюда и множество версий, предположений. Причем все какие-то мутные, странные, почти фантастические — ни одной не хотелось верить.

Однако было в этих сводках одно общее. Имя похитителя — Лука Заречный. Очень красивые имя и фамилия, и я сразу же представила себе стоящего на берегу реки Робин Гуда с луком в руке.

На самом деле Робин Гуд был без лука, а с пистолетом. И выглядел он более круто, чем шотландский средневековый стрелок-правдолюбец.

Если бы меня попросили составить его фоторобот, я бы без труда сделала это. Красавчик-бандит в белой рубашке, черной кожаной куртке и синих джинсах все еще стоял передо мной. Закрыв глаза, я мысленно увеличивала его портрет, словно нажимая на невидимую кнопку зума. Еще немного, и я услышу запах его одеколона!

Лука Заречный, если верить интернету, находился в розыске за разбой и убийство с конца 2012 года. Подробностей его криминальной биографии я так и не нашла и подумала еще тогда, что, скорее всего, не так-то все просто. Вполне вероятно, что отсутствие этих самых подробностей является результатом работы служб безопасности людей, на которых он работает. А что это за люди, из каких структур, — меня и вовсе не должно было интересовать. Эти люди повсюду, мчатся мимо тебя в дорогих машинах с тонированными стеклами и исчезают, растворяются в своей темной, замешанной на крови жизни.

Я понимала, что украла их деньги и что Лука — последнее звено какой-то хорошо подготовленной операции (наркотики, продажа оружия, политика). Где-то в цепи запланированных событий произошел сбой, в результате чего эти деньги нужно было перепрятать, инсценировав ограбление машины. А может быть, храбрый Лука, выследив машину, нафаршированную шестью миллионами евро, решил ее грабануть, но его заметили и бросились за ним в погоню. Это могли быть настоящие полицейские, те, которых я видела из окна, а могли быть переодетые преступники, которых я приняла за полицейских. Они гнались за Лукой, это факт. И, надеюсь, потеряли его из виду. Иначе интернет пестрел бы совершенно другими сводками...

Неуловимый Лука занимал меня весь вечер. Если мои соседи доложили ему или его людям, кто взял сумку с деньгами, значит, он ищет меня.

Когда найдет, в лучшем случае потребует сумку, а в худшем — просто отберет ее, а меня пристрелит. Или же сумку ищут те, у кого он ее украл. Как бы там ни было, мне вообще опасно высываться из дома.

Но и сидеть до посинения я тоже не могла. Мне нужно было купить еду.

Прошло всего несколько часов с тех пор, как я поселилась в Крапивенском переулке, и я надеялась, что за мной еще не следили. Иначе бы нашли.

Я очень боялась, что они, мои преследователи, поедут к бабушке в Ключниково. Но, с другой стороны, мало кто из моих знакомых знает, где она живет. Отыскать меня у бабушки было бы в любом случае делом непростым. Да и бессмысленным. Какой человек, украв такую сумму, будет прятаться там, где его легче всего найти?

Я все-таки вышла из дома и долго шла куда глаза глядят в надежде найти какой-нибудь продуктовый магазин. Поначалу-то мне и есть не хотелось, нервы были на пределе. А вот ближе к вечеру денежки в сумке зашелестели: иди, купи себе хотя бы хлеба с колбасой!

Я взглянула на себя в тусклое зеркало в прихожей. Показалось, что из прошлого этой квартиры на меня посмотрела застрявшая между старинными годами (когда лягушки были господами) перепуганная насмерть девчонка с большими глазами. Я помахала ей рукой и вышла из дома.

## 2. Таисия

Таисия Китаева открыла глаза, потому что была жива. А живой человек не должен так долго лежать с закрытыми глазами, если, конечно, он не спит.

Гримерная плыла перед ней цветной желто-красной картинкой. Это были слезы, это была горечь, это была невысказанная боль.

Во рту оставался солоноватый железистый привкус крови. Ей сорок один год, и ее изнасиловали в собственной гримерке.

Вот уже два года, как Таисия Китаева сменила профессию преподавателя французского языка и литературы, став певицей ночного кабаре «Префранс». Заведение было частным, тайным, дорогим, уникальным. Поначалу оно принадлежало молодому человеку по имени Миша Зелькин, большому любителю романсов, классической музыки и балета. Выкупив с отцом старинный особняк на Петровском бульваре и отреставрировав его, он почти все помещения сдал под офисы, а внутренние, тайные комнаты и полуподвальное помещение с зимним садом превратил в ресторан для избранных. Публику он подбирал исключительно среди знакомых семейства, близких друзей отца или матери. В основном это были люди военные, солидные, так называемая старая гвардия. Для них он приглашал профессиональных музыкантов, поэтов, певцов и танцоров. Миша с большим вкусом составлял программы, собирая под свое крыло людей талант-

ливых, уникальных. Целью его было ублажить, осчастливить своих гостей, дать им возможность послушать любимые мелодии, потанцевать любимые танцы, вернуться на несколько часов в счастливую молодость.

Название «Преферанс» было придумано давно, еще до того, как государство запретило игорный бизнес. Потом комнаты для игры в карты нужно было превратить в уютные кабинеты, а из самой большой сделать маленький театр с подмостками и зрительным залом. Ресторан открывался в шесть вечера и закрывался рано утром. Меню было своеобразным, от блюд советского номенклатурного застолья (шницель из свинины, чахохбили из кур, креветки «Барадеро») до дорогих кушаний царского времени (уха с расстегаями, котлета «Пожарская», поросенок с хреном, гурьевская сладкая каша).

Таисию, обладательницу красивого голоса и привлекательной внешности, позвала в «Преферанс» знакомая Миши, подруга его матери. Ей предложили исполнять русские романсы, советские и зарубежные шлягеры, попросту велели выучить множество песен на любой вкус. Работа предполагалась постоянная, хорошо оплачиваемая (зарплата плюс чаевые), с бесплатными ужинами и выпивкой. Таисия, перед которой в то время возникла проблема поиска работы из-за затяжного конфликта с директором-самодуром в частной гимназии, где она преподавала французский, практически сразу же согласилась. Выступая с успехом перед публикой и с каждым

разом чувствуя себя все увереннее, она вдруг в какой-то момент поняла, что это и есть ее призвание. Для нее шили концертные платья, под ее репертуар оформлялась маленькая сцена. Помощники и телохранители Миши следили за ее безопасностью, не позволяя никому из подвыпивших гостей, пожелавших лично поцеловать ручку или преподнести артистке букет, пройти в ее гримерку, и всегда вовремя, до назревающего скандала провожали ее до такси, а то и до самого дома. И все вечера были наполнены каким-то особым очарованием, радостью от сознания того, что ее, вчерашнюю учительницу, воспринимают как профессиональную певицу, как артистку, что ее любят и хотят слышать ее голос. Отношения, которые завязались у нее с Мишей, хозяином ресторана и просто очаровательным и умным молодым человеком, обладающим массой способностей, сделали ее и вовсе счастливой. И все бы так и продолжалось, Миша бы фонтанировал идеями и все они были бы одна оригинальнее другой, если бы не авария, унесшая жизни его родителей. «Преферанс» закрыли на время похорон, а потом пропал и сам Миша. Просто исчез. Коллектив ресторана еще какое-то время работал, словно по инерции, а дальше появился человек по имени Олег Иванов и объявил себя хозяином «Преферанса». Документом, подтверждающим этот факт, стало свидетельство о его праве собственности на ресторан. Приблизительно четыре месяца ресторан работал в обычном режиме. Все это время Таисия обивала пороги, пытаясь за-

ставить полицейских активнее искать Михаила Зелькина, наняла людей из частной охранной фирмы, чтобы охраняли Мишину квартиру и дом его родителей от разграбления. Между тем постоянные посетители ресторана, по большей части друзья и знакомые семьи Зелькиных, отказывались проводить вечера и праздники в изменившемся заведении. Даже уха, как сказал один из них, потеряла свой вкус, не говоря уже о новом чудовищном репертуаре Таисии — ей было приказано петь современные песни, подражая вульгарной попсе...

Разразился скандал, Олег Иванов, высокий худой рыжеволосый мужчина с глазами и ртом ящерицы, заглянул в гримерку к Таисии и тихим голосом предложил ей в случае неповиновения уйти, уволиться. Он сказал, что найти ресторанный певцу на ее место — дело одного дня и желающих будет много. Понимая, что это конец, что ей больше терять нечего, она вспыхнула и сказала, что не верит в исчезновение Миши, что он не просто исчез, что его убили и что убийца его — сам Олег! Она уже и не помнила, что еще кричала, какие обвинения бросала в непроницаемое лицо Иванова. Пришла в себя, когда он ее вдруг ударил по лицу, схватил за руки и повалил на пол. Такой силы, такой железной хватки от мужчины она не ожидала. Находясь в полубессознательном состоянии после всего пережитого, испытывая жгучий стыд и злобу, она с трудом поднялась, оделась и вышла через черный ход ресторана на улицу. Глотнула воздух и медленно побрела, пло-

хо соображая и изо всех последних сил стараясь не упасть. В какой-то момент небо опрокинулось, и на нее стремительно понеслась пожухлая трава.

Первое, что она увидела, когда пришла в себя, были большие зеленые глаза. Высокий девичий голос спросил:

— Может, «Скорую» вызвать?

— Нет-нет, не надо.

Оказывается, она уже сидела на скамейке. Перед ней стояла, пристально вглядываясь ей в лицо, девушка, почти подросток.

— Я думала, что вы умерли, — сказала она.

— Да лучше бы умерла, — ответила Таисия и почувствовала, как горячие слезы хлынули и потекли по щекам.

— Если не «Скорую», так, может, полицию?

— Нет, я сейчас приду в себя и поеду домой.

— Может, я вас провожу?

— Нет, не надо. Спасибо.

— Скажите, — девушка оказалась назойливой, но равнодушной, что было приятно. — Скажите, вот если бы вы увидели лежащую на земле женщину, вы прошли бы мимо? Не предложили помощь? То-то и оно. Пойдемте со мной. Хотя бы согреться. Все-таки на земле лежали.

Она привела Таисию, которая воспринимала все как сон, в какую-то странную квартиру. Древнюю, дремучую, со старой мебелью и обшарпанными стенами.

— Здесь время остановилось, — сказала, оглядываясь, Таисия. — Это не ваше жилье.